

Защитники российской западной границы, или Как поменялись роли

Как известно, Александр Солженицын, театрально возвратившись в Россию, рекомендовал удерживать культурные границы России на западном направлении, чтобы больная Россия получила время выздороветь. Он утверждал, что под забором с Запада просачивается жижа.

Александр Исаевич не был единственным, кто верил, что российскому народу посчастливилось в тяжелые времена социализма сохранить свою душу чистой. Кое-кто из славянофилов считал весь социализм удивительным предохранительным творением Создателя, спасшим русских от западного разложения. В этой вере в сохранение особых свойств русского в целом находят свое обоснование те многочисленные представления, в которых на плечи России набрасывается мантия спасительницы мира.

Все же реальному социализму удалось охранить русских от современного искусства и продажного секса. Дикость изображали, но, исходя из патриотизма и политической корректности, ею в целом не восторгались. Фрейдизм считался в основе своей ложным учением, его влияние отнюдь не наложило своей печати на государственную культуру и индустрию развлечений, как на Западе. Эта индустрия развлечений едва ли даже существовала.

Как заявляла одна русская женщина во времена перестройки в одной из редких в то время международных телевизионных программ, в Советском Союзе не было «вашего капиталистического секса». Она попала в самую точку. Позже ее часто высмеивали и утверждали, будто она сказала, что в России секса не было вообще. Она не была настолько глупа. Действительно, в России отсутствовал рынок продажного секса, как в капиталистическом мире. Да, люди там, несмотря на это, в сексе понимали, что хорошо известно любому побывавшему в то время в стране.

Но, в конце концов, было ли это угрожающей с Запада опасностью, на пути которой Александр Исаевич хотел воздвигнуть стену? Речь явно шла не только о сексе, но об общей безнравственности, склонности цивилизации потребления измерять все деньгами, культивировании человеческих пороков и их показе, том безбожии, которое видит в человеке только животное. А именно, Солженицын говорил, что человеку не следует загрязнять свою бессмертную душу тем мусором, который производит западная индустрия развлечений. Человек, по его мнению, высшее существо

и знание об этом нужно сохранять, так же, как и соответствующий ему образ жизни. Это, конечно, находилось в резком противоречии с культурой потребления, которая накатывалась на Россию и ставила новых славянофилов и критиков цивилизации в положение ответчиков. Их, по-видимому, было немало и их слово явно имело притягательную силу, но требовало большой веры, поскольку предполагало, что есть возможность возвращения к предшественнице культуры потребления, в которой мораль еще занимала центральное место.

Если мы сравним российскую ситуацию в момент падения коммунизма с ситуацией в Финляндии в 1917 г., мы сможем отметить параллели. В обоих случаях защитная стена рухнула, и в стране возобладали гедонистический, кощунствующий и карнавальный образ жизни, который подрывал основы культуры. Стремление к кратким наслаждениям, «животная» безответственность и карнавальное, демонстративное растаптывание высших ценностей в обоих случаях накладывало свою печать на новую культуру в стране. В обоих случаях опасность видели пришедшей извне, но обольстившей собственный народ. Таким образом, у каждого глубоко в душе имелась возможность стать соблазненным, своего рода впасть в смертный грех, от которого освобожденный Варавва обещал избавиться.

В Финляндии в известных кругах после 1918 г. паролем стало «против рюся и черта». Острые контратаки было направлено против иностранных элементов, хотя хорошо знали, что здесь замешаны внутренние силы, даже в массовом масштабе. Грех был в сердце каждого финна, и отпор «черту» предназначался именно этим элементам. Если бы «рюся» оставили в стороне, с чертом могли бы справиться.

Спустя семьдесят лет ситуация в России была во многом очень похожей. Народ, который воспитывался на героизме, жертвенности и добре, теперь оказался объектом нравственного нападения, сокрушившего многих. Козлом отпущения, разумеется, никакому народу быть не годится, и его греховные склонности суть соблазн извне. В этом случае этот соблазн пришел из Америки и ее еврейской идеологии. Мимоходом следует упомянуть, что хорошо известно, что еврейство в свое время даже считали стоящим за большевистской революцией. В Финляндии это же ассоциировалось с русскими, вовсе не с еврейством.

Охранники западной границы в России, пожалуй, никогда не были серьезно озабочены Финляндией. Она была второстепенным

и маловероятным направлением нападения также и идеологически. Скорее, у нее имелись качества буферного государства до тех пор, пока, к обоюдному счастью, она оставалась вне тесной связи с империей. С точки зрения Финляндии, ее граница с Россией, напротив, всегда была судьбоносной проблемой. Настоящая взаимность, таким образом, не предполагалась, силы были слишком несоизмеримы.

Во всяком случае, можно кратко сказать, что значение нашей общей «китайской стены» стало таковым: это была культурная граница, поддержание которой с обеих сторон временами считалось важным. Она также после революции в России рассматривалась скорее как граница морали и аморальности, чем как религиозная граница. Правда, в свое время она была именно границей веры и безбожия. Это подчеркивалось в годы войны. После крушения коммунизма граница между Востоком и Западом, с точки зрения России, создала схожую угрозу фарватера безнравственности, какую испытала на себе Финляндия после 1917 г. Только они поменялись местами. Коммунистический режим, вопреки финским предположениям, держал за нашей восточной границей грех в строгости. Еще в послевоенные десятилетия Россия была оторвана от западной потребительской культурной революции. Финский крестьянский пуританизм, со своей стороны, выветрился и уступил место американской массовой культуре. По мнению российских патриотов, с Запада России грозит та же самая опасность, которая в 1917 г. западной стороной воспринималась как восточная угроза.

Нотный кризис, добродетель и ватник

Известно, что к старости великий основоположник финского национализма Захрис Топелиус начал верить в избранность финского народа. Это представление позже в среде нашего религиозного народа редким не было. Кто-то выразил это так: «Бог так много заботился о финском народе, что не мог позволить уничтожить его». Мысль об избранности народа была очень широко распространена в военные годы. По инициативе Герды Рюти¹ летом 1944 г. на радио начали ежедневно читать изречения, в которых роль Бога как защитника слабых занимала центральное место.

¹ Герда Пуала Рюти (урожд. Серлахиус) (1886–1984) — супруга президента Финляндии Ристо Рюти.